

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕТР ТРЕТИЙ. НАСЛЕДНИК ДВУХ КОРОН 5

ПЕТР ТРЕТИЙ. ДРУГОЙ ПУТЬ 215

ПЕТР ТРЕТИЙ

НАСЛЕДНИК ДВУХ КОРОН

Часть первая БЕГУЩИЙ ПОПАДАНЕЦ

Пролог ДВЕСТИ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД

*Россия. Екатеринбург.
Городской шахматный клуб.
19 июня 2027 года*

— И где он ходит? Кузьмича только за смертью посылать.

Старик-профессор, как полководец, хмуро обозрел место будущей баталии. Квадратное поле сражения было разделено на черные и белые клетки, войска уже выстроились в четкие порядки: пехота, конница, артиллерия, боевые слоны и, конечно, король и королева.

Только вот главнокомандующий армией противника опаздывал к началу битвы. Не командовать же профессору обеими армиями сразу!

Ну, делать нечего, придется ждать.

На улице ливень. Возможно, с этим связаны перебои со связью. Так что позвонить не получается пока.

На столе валяется какая-то брошюра. С оскаленной мордой собаки. «Социальное поведение собак в стае».

«...Во главе большой стаи нередко стоит пара: кобель регулирует мужскую часть стаи, сука наводит порядки в женской. В такой стае щенки чаще появляются у главной суки, а остальные помогают ухаживать за ее потомством...»

Скучно. Вот еще про собак и их порядки он здесь не читал.

Оглядевшись по сторонам, Виктор Андреевич приметил книгу на соседнем шахматном столике, за которым никого не было. Не сочтя зазорным на время позаимствовать бесхозную книжку, профессор с разочарованием оглядел обложку. Но книга имела одно преимущество — в ней был хороший и довольно крупный шрифт, что редкость по нынешним временам.

Что ж, аннотация. Читать все равно нечего.

«Историю пишут победители. Старая истина, которую люди так часто забывают, давая оценку историческим персонам, на основании вымыслов, слухов и явных подтасовок. Ни реальный Петр Третий, ни реальный Павел Первый, ни другие значимые личности истории Руси/России и иных великих держав мира не были такими, как их описывает ставшая официальной история.

Множество важнейших для судьбы государства реформ остались неосуществленными или лишь начатыми императорами Петром Третьим и Павлом Первым и были прерваны самым трагическим образом, как и Конституция Александра Второго не была принята после его убийства».

Профессор скептически поморщился.

— То же мне «бином Ньютона», будто в науке не так. Не погибни Рихман от удара током, так уже при том же Павле в русских домах электролампочки бы светили.

«Соперничество старшей и младшей ветвей Дома Романовых в борьбе за корону долго сотрясало наше

Отечество. Многие, к сожалению, забывают, что у Петра I Великого были старшие брат Иван, сестра Софья и брат царь Федор Алексеевич. После смерти царя Федора, не оставившего детей и завещания, остро возник вопрос прав на корону.

Традиция престолонаследия не была твердым законом и многократно нарушалась ранее. Нарышкины провозгласили царем Петра, Милославские и стрельцы — Ивана. Зрела гражданская война и новая Смута. Как компромисс Иван был провозглашен старшим царем, а Петр — младшим. Иван II умер в 1696 году, но старшая ветвь Романовых не прервалась вместе с ним, а сестра Софья и ее стрельцы попытались устроить переворот и отстранить от власти Петра. Им это не удалось, и будущий император Петр Великий лично рубил головы мятежным стрельцам на Красной площади при полном стечении народа. Но беды России на этом не кончились».

— Будто они могут кончиться? Тут руби не руби, если не чужие обманут, то свои растащат. Всегда так было. И везде.

«Петр Великий отменил традицию престолонаследия и собирался назначить наследника сам из самых способных к управлению Державой, но злой рок и тут был против нашего Отечества. Император так же умер, не оставив преемника. Началась новая кровавая чехарда борьбы за власть в России, которая продлится до конца XVIII века».

Старик задумчивое сопел.

— Да. Во всем велик был, но с этим начудил Петруша. Хотя, даже распиши он кто за кем, его соратнички все равно бы по-своему дело обернули.

«Наша история начинается 17 (28) октября 1740 года, когда императором Всероссийским был провозглашен младенец Иван III Антонович...»

— Здравствуй, Андреич.

Старик с кряхтением присел на стул напротив.

Андреич оторвал взгляд от страниц книги.

— А, Кузьмич. Явился не запыхался. Сколько можно ждать. Костлявую, что ли, искал?

— Так это тебя сын на машине привозит, а я простому, пешочком. Но там ливень. Пришлось стоять под навесом супермаркета. Что читаешь?

Седовласый очень пожилой профессор (глубокий старик, но он терпеть не может, когда его называют стариком) пожал плечами и, повернув книгу, посмотрел на обложку.

— Не знаю. Ересь какая-то. «Жизнь и невероятные приключения императора Петра Третьего». Жанр: альтернативная история. Автор — некий Аврелий Чемоданов-Шуйский. Псевдоним наверняка. Я ж говорю — ересь.

— Тогда зачем читаешь?

Держащий книгу «очень пожилой мужчина» сделал неопределенный жест.

— Тебя вот ждал, а она на столике там лежала. Видимо забыл кто-то. — Ухмыльнулся.

— Что-то занятное?

— Не знаю пока, Кузьмич. Успел прочитать только аннотацию и оглавление. А тут ты явился — не запыхался. Насколько я понял, некий приключенческий роман с претензией на псевдоисторию. Мол, что было бы, если бы Петр Третий не был бы таким дураком.

— А он не был?

— В том-то и дело, что не был. Реформы Петра Третьего и Павла были очень нужны, но эти цари не рассчитали свои силы. Слишком многим наступили на пятки. К слову, закон «О престолонаследии» Павла Первого действительно действовал сто с лишним лет. Самого Павла потом, после убийства, объявили сумасшедшим, но *слово* его исполнялось самым железным образом. Никаких исключений. Николай Второй не смог этот

закон преодолеть даже в критической для трона и России ситуации. Так что дураками они не были. Тот же Кодекс Наполеона Бонапарта действует во Франции по сей день. С поправками, конечно.

Кузьмич лишь ухмыльнулся, подловив старого друга и получив возможность шуточно поязвить:

— Посмотрите, люди добрые, университетский профессор кафедры теплотехники, доктор технических наук и все прочее, читает белиберду! Наш знаток истории докатился до края! Альтернативная история! Подумать только! А ведь казался приличным ученым!

Профессор буркнул, явно не будучи рад, что развил тему и дал повод для насмешек:

— Да я и не читаю такое, мне бы свои записки по промышленной истории Урала разобрать пока, — профессор положил книгу обратно на соседний столик. — Вот и тот, кто ее забыл, получается, этой галиматьи не читает.

— Верно, Андреич! Уже всю историю просклоняли. А что эти альтернативно одаренные могут придумать еще? Что золота на Земле вдруг больше, чем железа, или что железа вообще нет? Вот что было бы, а, профессор?

Виктор Андреевич пожал плечами.

— Люди такие сволочи, что найдут выход из любой ситуации. Полно золота? Отлично. Масса дешевой бижутерии и отличный металл для промышленности. Вместо золота будет серебро, платина и иридий. Вместо железа какая-нибудь высокотехнологическая бронза, титан и алюминий. Вместо двигателей внутреннего сгорания — паровые машины. Это я тебе как теплотехник говорю. Все решаемо.

— Ага. А в космос тоже на паровых машинах?

— В космос не знаю. Придумали бы что-то. В конце концов в космос не на «Жигулях» летают. Да и зачем во

времена той же Елизаветы космос? А вот паровые машины были бы очень к месту.

— Скажешь тоже. До паровых машин тогда было лет сто!

Профессор покачал головой в ответ.

— Во-первых, не «лет сто», во-вторых, ну и что? Как в том выражении: «Вы просто не умеете их готовить».

— Допустим. Допустим, что ты у нас умный и попал в то время. Сумел бы построить паровую машину?

— Конечно. Там нет ничего эдакого. Первые паровые машины были построены в начале восемнадцатого века, ужасно неэффективные, правда, но сам факт — могли и создали. Даже древние греки могли построить и римляне. Герон уже почти сделал даже. Просто незачем было. Дорогая занятная игрушка, не более. Рабы дешевле и хлопот меньше.

— Да ты у нас философ-экономист.

Вновь кивок.

— Есть такое. Играть будем или ты чего приперся сквозь дождь?

Кузьмич побряхтел.

— Да, давай уж...

— Е2 — Е4. Оригинально, мой друг, оригинально. А я вот так...

— Как вчера отгуляли твой день рождения? Родня съехалась, торт, свечи, горячие танцовщицы?

Виктор Андреевич потер лоб.

— Да как... Радость великая — восемьдесят семь лет, прости господи. Танцовщицы — да... Я... Что-то мне... Воды...

Профессор безвольно уронил голову на шахматный столик. От удара фигуры посыпались на пол...

*Герцогство Гольштейн. Округ Сторман.
Резиденция Рольфсхафен. Покои герцога.
18 июня 1739 года*

— Карл!

Невысокое тело щуплого мальчика почти неслышно упало на пол.

— Vad fan! Мамки хреновы, кто этого хлюпика сейчас сюда притащил?

— Господин Фридрих, так это, с отцом же попрощаться мальчику...

— Румберт, Herregud! В кирхе простится! Унеси герцога, сейчас епископ придет!

— Слушаюсь, господин фон Брюммер!

— Дышит хоть?

— Дышит.

— Живуч, bestia. До вечера за ним пригляди, а то помрет еще...

— Слушаюсь...

— Что встали, клуши? Кто за вас в порядок будет приводить покойного?

Фридрих фон Брюммер уже потерял интерес к мальчику, передав заботу о нем лакею. Карл Петер Ульрих, конечно, уже несколько минут как герцог Готторпский, но по его малолетству ему до властного скипетра надо дожить. И уже из этого сироты не выйдет ни его двоюродный дед Карл, ни его дед Петер. Так что фон Брюммер не видел причин отвлекаться на мелочь.

*Российская империя. Санкт-Петербург. Марсово поле. Дворец цесаревны Елисаветы Петровны.
Ночь на 25 ноября (6 декабря) 1741 года*

Ночь. Редкие огни за окном. Спит столица.

Шувалов склонил голову:

— Государыня, нам пора.

Цесаревна кивнула. Да, она еще не государыня. Может вместо трона попасть «на прием» к Ушакову, но выбора нет, тут или все, или ничего. Где «ничего» — это пыточная Ушакова и казнь через колесование. Даже помилование в виде лишения титулов, имущества и вырванного языка ей не будет полагаться. Леопольдовна не пощадит ее. Разве что смерть после «приема» у Ушакова покажется избавлением.

— Да, любезный мой Александр Иванович. Едем.

Шувалов помог ей с шубой поверх сверкающей при неуверенном свете свечей кавалерийской кирасы.

Лестница.

Возок.

Ночь.

— Господа, я благодарна вам за все.

Воронцов и Шувалов склонили головы.

— Госпожа, мы с вами до конца.

Все или ничего.

— Едем, господа.

Ночной Петербург. Ночные зимние улицы и застывшие льдом каналы. Редко из каких окон брызжет свет свечей. Город словно затих. Словно замер. Лишь глухой топот копыт.

Возок стремится вперед.

Цесаревна изображала решительность и твердость намерений, но в реальности на душе было тоскливо и страшно. Очень страшно. До дрожи.

Позавчерашний разговор с правительницей России Анной Леопольдовной показал, что жизнь цесаревны висит на волоске. Фактическое обвинение в государственной измене и подготовке государственного переворота. А это смертная казнь. Никаких вариантов. Никакого помилования. Таких, как цесаревна, в живых не оставляют.

Конечно, Елисавета Петровна уверяла правительницу России, что это все неправда, слухи, наветы врагов

России и цесаревны, что она богом клянется, что никогда не измышляла никакой измены, что верна присяге. Даже слезу пустила.

Разумеется, правительница ей не поверила. Лишь отложила свое решение. Но в глазах у Анны Леопольдовны был триумф и предвкушение.

Ждать дальше было невозможно. Или она, Елисавета Петровна, дочь Петра Великого, становится русской императрицей, или ее голова полетит с плахи на потеху публике, после долгих «разговоров» с ужасным Ушаковым — цепным псом власти, главой Тайной канцелярии.

Елисавета отбросила сомнения. Все или ничего.

Племянница сглупила. Нельзя выдвигать такие обвинения и отпускать. Поверила французам, что Лиза слишком «гладкая», чтобы устраивать перевороты?

Посмотрим.

Вот и казармы лейб-гвардии Преображенского полка. Ее уже ждали.

— Государыня!!!

— Кума, кума приехала...

Шелест разговоров по толпе встречающих.

— Приветствую, братцы! Приветствую вас, родные! Здрaвы будьте, кумовья!

Толпа солдат взывала от восторга.

Ее многие тут называли кумой, и это была правда. Елисавета охотно соглашалась стать крестной матерью детей гвардейцев и после крестин одаривала крестника или крестницу серебряным рублем.

Она долго шла к этому дню. Любовь гвардии — это не только про любовь к дочери Петра Великого. Это про деньги. Очень большие деньги. А денег и не было. Из местных крупных дворян никто не хотел неприятностей в случае провала переворота. А это было вполне реально. Оставались только иностранцы. Швеция и Франция. И не из любви к России, а точно наоборот. А это государственная измена. А после сообщения

Анны Леопольдовны о том, что личного хирурга Елисаветы Петровны мсье Лестока вызовут на дознание к Ушакову, Лизе все стало ясно. Лесток — не трус, но только при виде дыбы любой расскажет все, что знает и чего не знает.

Поэтому она здесь.

Шувалов только что шепнул расклад. Все плохо. Уверения в том, что на ее стороне гвардейские полки, оказались пустой болтовней, которая стоила ей больших денег на подкупы гвардейцев. В решающий час выступить готовы лишь три сотни преображенцев, причем дворян из них лишь четверть. Остальные — вчерашние крестьяне без особой подготовки. Дворяне старых родов «объявили нейтралитет» и отказались покидать казармы.

Ключевые министры сделали вид, что не происходит ничего. Вообще ничего. Ночь. Утром будет видно кто, где и с кем.

Все пошло не так. Наверняка Анну Леопольдовну уже уведомили. Еще четверть часа, и объявившие «нейтралитет» преображенцы возьмут ее под стражу и сдадут на расправу правительнице. Нет ни одного лишнего мгновения!

— Кумовья! Вы со мной?!

Рев трех сотен глоток кумовьев:

— Да!!!

Гарнизон Зимнего дворца неожиданно легко сложил оружие и объявил «нейтралитет». Никакой стрельбы. Просто топот.

Быстрее. Быстрее.

— Шувалов!

— Слушаюсь, моя госпожа!

Часть отряда побежала за ним.

— Воронцов! Лесток! Идите со мной!

Оставшуюся часть гвардейцев она повела за собой. Вот она, спальня императрицы. Пикет у входа. Стояв-

шие на посту у дверей гвардейцы поглядели на толпу вооруженных коллег и не стали слишком артачиться, дав себя разоружить и отвести в сторону.

Двери распахнуты. Большая спальня. Пышная кровать с балдахином.

Елисавета насмешливо окликнула спящую императрицу:

— Доброе утро, сестрица! Пора вставать!

Та резко села в постели, оглядев присутствующих. Она уже все поняла, в отличие от испуганной графини Менгден, в ужасе забившейся в углу постели императрицы.

— Елисавет, пощади мою семью. Детей пощади. Христом богом прошу. Я все подпишу.

Елисавета Петровна кивнула.

— Лесток! Бумаги и перо!

Личный медик цесаревны положил на прикроватный столик искомое и протянул императрице перо. Та молча поставила свои подписи в местах, на которые указывал Лесток.

Анна Леопольдовна подняла глаза на тетущку.

— Я прошу оставить мою фрейлину графиню Менгден при мне.

Императрица Елисавета Петровна благосклонно кивнула.

— Да ради бога. Забирай с собой, если она не против. Мне все равно.

— Спасибо.

Их увели.

Что ж, пора и в Тронный зал.

— Взять под охрану все входы в зал. Отряд личной охраны со мной.

Трон.

Елисавета села на него. Коленки дрожали. Господи боже... Неужели все так просто? Или это какая-то ловушка?

Четверть часа не поступало вообще никаких известий. Наконец появился Шувалов.

— Ваше императорское величество! Антон Ульрих взят под стражу прямо из постели.

— Благодарю, граф. Я этого не забуду. Что дети?

Тот поклонился императрице в некотором смущении.

— Ваше императорское величество...

— Что?

— Как вы и повелели, мы не стали пугать маленького Ивана и ждали, когда он проснется. Он открыл глаза и закричал, увидев нас. Его успокоили. Он под охраной. А при аресте Екатерины Антоновны один из наших уронил сестру Ивана. Головой об пол. Она жива, но я не знаю...

Императрица Елисавета Первая потеряла переносицу.

— Иван жив?

— Цел и невредим, государыня. Напуган только. За окном вставал зимний рассвет.

Утро новой эпохи.

*Российская империя. Санкт-Петербургская губерния. Выборгская провинция. Териоки.
16 (27) декабря 1741 года*

Маркиз уже давно не разделял мнения, что женщины менее умны. Ему случалось даже проигрывать в интригах дамам. Женский ум практичнее и изворотливее мужского. Только чувственность знакомых Жаку дам не оставляла им шанса перед его опытом и холодной самоуверенностью. И это обстоятельство не могло исправить ни богатство, ни корона!

Да. Даже корона.

«Ах, какая непростительная минутная слабость! Всего несколько строк, которые могут изменить всю

европейскую политику!» — думал де ла Шетарди, самодовольно прохаживаясь у таверны. Его прямо пекло жаром письмо, лежащее сейчас во внутреннем кармане на его груди. Точнее, та записка, которая внутри опечатанного им конверта. Строптивница, получившая из его рук корону, не понимает еще, с кем связалась. Она думает, что может играть с ним, с его королем, отказавшись от обещанного и оговоренного? Наивное дитя, на поле взрослых игр.

Ничего. Ничего!

Жак Тротти, носивший титул маркиза де ла Шетарди, знал, что и кто сильнее всего держит любую женщину в узде. Но это дело королевское, и не маркизу его решать, но помочь величеству решить в его власти.

То, что лежало в конверте, должно как можно скорее попасть в Париж. И ни в коем случае не должно оказаться у Бестужева. Иначе... Потому маркиз и летел сюда, загоняя лошадей и упреждая ехавшего из Выборга через Санкт-Петербург соотечественника.

Бумаги из тайника привезли поздно. Брилли уже отправился в свой вояж в Париж.

Но маркиз не мог доверить такую драгоценность ни своему личному курьеру, ни дипломатической почте. И знать о предстоящей встрече не следовало в Петербурге никому, особенно людям Ушакова или Бестужева. За маркизом следят. Но, уезжая на север, он официально «едет к войскам», едет мирить русских и шведов. И, пока он в пути, он может не бояться соглядатаев.

Серж был «коммерческим курьером». Весьма ценным. К нему обращались многие. Негоцианты, ведущие дела в России, отправляли с ним сообщения на родину. А русские чиновники высокого ранга, бывало, доверяли доставку вложений на свои счета в Гаагских банках.

Весьма важный путешественник.

Потому де Брилли имел полный иммунитет от любых досмотров. Честность и шпага Сержа были лучшей